

Большой интерес представляет статья А. А. Зимина «О политической доктрине Иосифа Волоцкого» (т. IX, стр. 159—177). Автор определяет политическую доктрину иосифлян, правильно ставит вопрос о взаимоотношениях церкви и государства, верно характеризует самого Иосифа как одного из тех идеологов сильной воинствующей церкви, «которые на известном этапе заключают временный союз с самодержавной властью, поддерживая ее до той поры, пока их теория и практика (в частности, крупное монастырское землевладение), не вступают в резкое противоречие с политикой московских государей» (стр. 161). Автор касается и проблемы реформационно-гуманистического движения XV—XVI вв. Было бы существенно определить смысл реформации и ее особенности на Руси. Недостаточно полно рассмотрена историография вопроса (упущена, например, работа В. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти», Пгр., 1916 г.). В связи с этой статьей, а также и другими (в частности, статьями Е. Н. Кимеевой, Н. Н. Розова, И. П. Еремина) напрашивается разработка вопроса о классовом и политическом смысле обширной антипапской полемической литературы на Руси, — литературы, имевшей, видимо, не только церковное значение. Надлежит пересмотреть и историографию этого вопроса.

Ряду статей данного раздела «Трудов» присущи ошибки, проистекающие от смешения их авторами внутриклассовой борьбы с борьбой классовой; это смешение влечет за собой ошибочное толкование понятия прогрессивного в литературе.

Подобная теоретическая погрешность рельефно проступает в статье Н. Н. Маслениковой «Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства» (т. VIII, стр. 187—217). Автор ясно показывает, что часть псковских феодалов стояла за воссоединение Псковской феодальной республики с Русским централизованным государством; идеологом этой части феодалов был Филофей. Взгляды его, однако, в дальнейшем эволюционировали, и тот факт, что он «последнего показа дерзновение к государю», едва ли можно толковать, как это сделано в статье, в пользу его неуклонного служения делу централизации. Из статьи ясно также, что Филофей — не сторонник трудящегося люда, что ему опасно «безродных уничижение и бесчестие» (стр. 199). Автор убедительно доказывает связь теории «Москвы — третьего Рима» с иосифлянством и опровергает точку зрения Н. С. Чаева, считавшего эту теорию государственно признанной программой завоеваний².

Показано автором, что была в Пскове и другая группа феодалов, чьим идеологом являлся Корнилий — противник подчинения московскому правительству. Сочинения Корнилия и Филофея — свидетельство борьбы групп внутри псковских феодалов. Эта борьба получила, однако, ошибочное осмысление в статье как борьба классовая. Н. Н. Масленикова пишет, что «в вопросе о присоединении к Москве сказалась разница классовых интересов» (стр. 215), что борьба внутри псковских феодалов была «одной из форм классовой борьбы; ее корни не отвлеченно «областнические» (стр. 217). Конечно, и борьба внутри класса феодалов не изолирована от классовой борьбы, она отражает состояние последней, но отражает превратно³. Автору и следовало вскрыть эту превратность отражения классовой борьбы в противоречиях феодальных классовых групп.

Подобную же нечеткость находим в статье Е. Н. Кимеевой «Послание митрополиту Даниилу Федора Карпова» (т. IX, стр. 220—234). Раскрыв классовое лицо консервативного боярина Федора Карпова с характерным для подобного рода деятелей реакционным «западничеством», автор, однако, при сопоставлении его взглядов со взглядами дворянства говорит о боярах и дворянах как о двух классах: «класс реакционный, сходящий с арены общественной жизни, в своей идеологической борьбе с классом победившим, прогрессивным, имеющим свою политическую программу, пытается действовать также и моральными аргументами» (стр. 231).

Еще дальше в этом направлении зашла Г. Н. Моисеева в статье «Автор Казанской истории» (т. IX, стр. 266—288). Тщательно определив дворянскую идеологию исследуемого источника, Г. Н. Моисеева допускает нечеткость, именуя дворянство «служильным правящим классом» (стр. 277), а оценивая прогрессивность взглядов автора летописи, доходит до невероятного утверждения, будто «широкая историческая перспектива и точное знание предмета своего описания позволили автору «Казанской истории» подняться до понимания реальных отношений, устанавливающихся между людьми в процессе их деятельности» (стр. 287)!

Наконец, И. М. Кудрявцев в работе «Послание на Угру» Вассиана Рыла как памятник публицистики XV в.» (т. VIII, стр. 158—186) вовсе отказался от классовой оценки творчества Вассиана. «Каковы бы ни были классовые предпосылки общественно-политического мировоззрения Вассиана, — пишет И. М. Кудрявцев, — его убеждение в необходимости довести до конца борьбу с Золотой Ордой объективно совпадало с настроением трудового народа» (стр. 164—165). Таким образом, раскрыв патристический смысл «Послания», исследователь не поставил его в рамки политичес-

² Видимо, возможность поговорить о такой именно «трактовке» этого вопроса привлекла к нему внимание американского «Speculum», опубликовавшего статью, в которой упомянутая выше теория, оторванная от социально-экономической и политической истории Руси, рассматривается в ряду «имперских доктрин». См. D. Strémokhoff, Moscow the Third Rome, «Speculum», No. 1, Cambridge, 1953, pp. 84—102.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, ОГИЗ, 1948, стр. 427.